

СТИВЕН

КИНГ

Annotation

Писатель Майк Энслин, специализирующийся в области паранормальных явлений, загорелся идеей провести ночь в №1408 отеля «Дельфин». Дело в том, что все до единого постояльцы этого номера кончали жизнь самоубийством. Майка же этот факт нисколько не смущает. Поможет ли ему его счастливая гавайская рубашка, если противостоять ему будут призраки №1408 ...

- [Стивен Кинг](#)

- ☐

- ☐ [1](#)

- ☐ [2](#)

- ☐ [3](#)

- ☐ [4](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)

- ☐ [2](#)

- ☐ [3](#)

- ☐ [4](#)

- ☐ [5](#)

Стивен Кинг

1408

Номер вот он, чуть дальше по коридору.

Майк Энслин еще открывал вращающуюся дверь, когда увидел Олина, менеджера отеля «Дельфин», сидящего в одном из больших кресел вестибюля. У Майка упало сердце. "Все-таки мне следовало привести с собой адвоката", — подумал он. Что ж, уже поздно. И даже, если Олин попытается возвести еще один кордон или два между ним и номером 1408, может, это не так уж и плохо. В его книге появятся несколько лишних страниц.

Дверь только осталась за спиной Майка, а Олин уже направлялся к нему, протягивая пухлую ручку. «Дельфин» располагался на Шестьдесят первой улице, в шаге от Пятой авеню, невысокое, но красивое здание. Мужчина и женщина в вечерних туалетах прошли мимо Майка, когда тот пожимал протянутую руку менеджера, предварительно перекинув небольшой чемодан в левую руку. Женщина, блондинка, была, естественно, в черном, и легкий, цветочный аромат ее духов символизировал Нью-Йорк. На мезонине кто-то играл в баре "День и ночь", еще один штрих неподражаемой атмосферы Большого Яблока.

— Мистер Энслин. Добрый вечер.

— Мистер Олин. Есть проблемы?

Олин замаялся. Оглядел маленький, уютный вестибюль, словно прося помощи. У регистрационной стойки слегка помятый мужчина, обычное дело после длительного перелета в салоне бизнес-класса, обсуждал какие-то нюансы, связанные с заказанным номером, с женщиной в изящном черном костюме, который мог сойти и за вечерний наряд. В отеле всем спешили прийти на помощь, за исключением мистера Олина, попавшего в лапы писателя.

— Мистер Олин? — повторил Майк.

— Мистер Энслин... могу я поговорить с вами в моем кабинете?

Конечно, почему нет? Этот разговор усилит раздел, посвященный номеру 1408, добавит зловещести, которую обожают читатели его книг, но это еще не все. До этого момента полной уверенности у Майка Энслина не было, несмотря на серьезную подготовку к этому визиту. Теперь же он ясно видел, что Олин боится номера 1408, боится того, что может случиться с Майком в эту ночь.

— Разумеется, мистер Олин.

Олин, радушный хозяин, протянул руку к чемоданчику Майка.

— Позвольте?

— Я и сам донесу, — ответил Майк. — Там ничего нет, кроме смены белья и зубной щетки.

— Вы уверены?

— Да, — кивнул Майк. — Счастливая гавайская рубашка уже на мне, — он улыбнулся. — Пропитана особым составом, запах которого отгоняет призраков.

Олин не улыбнулся. Вдохнул, маленький толстячок в темном сшитом по фигуре костюме, с вязаным галстуком.

— Очень хорошо, мистер Энслин. Следуйте за мной.

В вестибюле менеджер отеля казался нерешительным, чем-то напоминал побитую собачонку. А вот в кабинете, обшитом дубовыми панелями, с картинами на стенах ("Дельфин" открылся в 1910 году: хотя книгу опубликовали бы и без таких подробностей, Майк не считал за труд заглянуть в подшивки давнишних газет и журналов) вновь обрел уверенность. Пол устилал персидский ковер. Мягкий желтый свет двух торшеров располагал к непринужденной беседе. На столе, рядом с ящичком для сигар, стояла лампа под зеленым абажуром. С другой стороны ящичка для сигар лежали три книги Энслина. В обложке, конечно же, в переплете его еще не издавали. "Мой хозяин тоже провел подготовительную работу", — подумал Майк.

Майк опустил в кресло перед столом. Он ожидал, что Олин сядет за стол, но тот удивил его. Сел рядом с Майком, положил ногу на ногу, потом наклонился вперед, прижав круглый животик к колену, коснулся ящичка для сигар.

— Сигару, мистер Энслин?

— Премного благодарен, но не курю.

Взгляд Олина сместился на сигарету за правым ухом. В не столь уж далекие времена репортеры, чтобы не лазить лишний раз в карман, случалось, засовывали сигарету за ленту шляпы с мягкими полями, рядом с нашивкой «ПРЕССА». Майк настолько сжился с этой сигаретой, что поначалу и не понял, куда смотрит мистер Олин. Потом рассмеялся, вытащил сигарету из-за уха, посмотрел на нее, перевел взгляд на Олина.

— Не курю девять лет. Старший брат умер от рака легких. Я бросил курить после его смерти. Сигарета за ухом... — он пожал плечами. — Где-то напоминание, где-то — суеверие. Как гавайская рубашка. Вроде сигарет в коробочках со стеклянной крышкой, какие люди кладут на стол или закрепляют на стене, с надписью: "РАЗБИТЬ СТЕКЛО ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ". В номере 1408 разрешено курить, мистер Олин? На случай, что разразится атомная война.

— Раз уж об этом зашла речь, разрешено.

— Отлично, — воскликнул Майк. — Хотя бы из-за этого можно не волноваться.

Мистер Олин вновь вздохнул, но этот вздох уже не был столь безутешным, как в вестибюле. "Да, кабинет дает о себе знать, — подумал Майк. — Кабинет Олина, его владения". Даже днем, когда Майк приходил с адвокатом, Робинсоном, как только они пришли сюда, Олин заметно успокоился. Почему нет? Где еще можно чувствовать себя хозяином, как не в собственных владениях? А кабинет у Олина лучше, чем у многих: хорошие картины на стенах, хороший ковер на полу, хорошие сигары в деревянном ящичке на столе. Многие менеджеры вели здесь дела, начиная с 1910 года. По-своему, это тоже визитная карточка Нью-Йорка, как блондинка в черном платье с оголенными плечами, запах ее духов, невысказанное, но явное обещание утонченного нью-йоркского секса в предрассветные часы.

— Вы по-прежнему думаете, что мне не удастся отговорить вас от реализации вашей идеи? — спросил Олин.

— Я знаю, что не удастся, — Майк вернул сигарету за ухо. Он не смазывал волосы маслом, как многие его коллеги из прошлого, носившие шляпы с мягкими полями, но сигарету все равно менял каждый день, как нижнее белье. За ушами тоже выступал пот, и когда на конце дня Майк оглядывал сигарету, прежде чем бросить ее в унитаз, видел желтовато-оранжевое пятно на тонкой белой бумаге. Сигарета в руке не усиливала желание закурить. Теперь он представить себе не мог, как почти двадцать лет выкуривал по тридцать, иногда сорок сигарет в день. Скорее мог объяснить, почему он это делал.

Олин взял со стола три книжки.

— Я искренне надеюсь, что вы ошибаетесь.

Майк расстегнул молнию бокового отделения чемодана. Достал минидиктофон "сони".

— Вы не будете возражать, если я запишу наш разговор, мистер Олин?

Менеджер махнул рукой. Майк нажал на клавишу «RECORD», загорелась маленькая красная лампочка. Бобины начали вращаться, пленка пошла.

Олин, тем временем, тасовал книжки, читая названия. Всякий раз, видя свою книгу в чьих-то руках, Майк Энслин ощущал самые разные чувства: гордость, неловкость, удивление, пренебрежение и стыд. Как бизнесмен, стыда он не испытывал: последние пять лет они обеспечивали ему безбедное существование и ему не приходилось делить прибыль с автором идеи ("книжные шлюхи", называл таких его литературный агент, возможно, из зависти), потому что он не только писал книгу, но и сам разрабатывал ее

концепцию. Хотя, после того, как первая книга прошла на ура, стало понятным, что только полный кретин мог проглядеть такую концепцию. А ведь думали, что после «Франкенштейна» и "Невесты Франкенштейна" ловить в этой области нечего.

Однако, он закончил Айовский университет.^[1] Учился с Джейн Смайли.^[2] Однажды участвовал в семинаре Стэнли Элкина.^[3] Мечтал о том (об этом не подозревали даже его ближайшие друзья), чтобы опубликоваться как Молодой поэт Йеля. И когда Олин начал вслух называть названия книг, Майк пожалел о том, что включил минидиктофон. Потому знал, что позднее, слушая запись, будет ловить в голосе Олина нотки презрения. Не отдавая себе отчета, он коснулся сигареты за ухом.

"Девять ночей в домах с призраками", — читал Олин. — "Десять ночей на кладбищах с призраками". "Десять ночей в замках с призраками", — он посмотрел на Майка и уголки его губ изогнулись в легкой улыбке. — Чтобы написать эту книгу, вы побывали в Шотландии. Не говоря уже о Венском лесе. И всякий раз ваши налоги уменьшались на затраченные на поездки суммы, правильно? В конце концов, охота за призраками — ваш бизнес.

— Вы сказали все, что хотели?

— Вы очень трепетно относитесь к этим книгам, не так ли?

— Да, трепетно. Но пренебрежением к ним меня не проймешь. Если вы надеетесь, критикуя мои книги, убедить меня уйти из вашего отеля...

— Нет, нет, отнюдь. Простое любопытство, ничего больше. Я послал за ними Марсея, он дневной портье, два дня тому назад, когда вы впервые обратились с вашей... просьбой.

— Требованием — не просьбой. И это по-прежнему требование. Вы слышали мистера Робинсона. Закон штата Нью-Йорк, не говоря уже про два федеральных закона о гражданских правах, запрещает вам отказать мне к найме конкретного номера, если я хочу снять этот номер и он свободен. А номер 1408 свободен. В наши дни номер 1408 всегда свободен.

Но мистер Олин не собирался уходить от избранной им темы разговора, трех последних книг Майка, попавших в список бестселлеров "Нью-Йорк таймс", пока не собирался. Просто перетасовал их в третий раз. Желтый свет ламп отражался от глянцевых обложек. На них преобладал пурпурный цвет. Майку как-то сказали, что пурпурный цвет — оптимальный для книг о призраках. Обеспечивает максимальные продажи.

— До этого вечера мне не представилась возможность заглянуть в них. Столько навалилось дел. Впрочем, их всегда хватает. По нью-йоркским масштабам «Дельфин» — маленький отель, но заполняемость у нас превышает девяносто процентов, и

едва ли не каждый гость приносит с собой свои проблемы.

— Как я.

Олин улыбнулся.

— Я бы сказал, что вы — особая проблема, мистер Энслин. Вы, мистер Робертсон и все ваши угрозы.

Майку его слова не понравились. Он никому не угрожал, если только не считать угрозой присутствие мистера Робертсона. И его заставили воспользоваться услугами адвоката, как человеку приходится брать в руки фомку, чтобы вскрыть старый сейф, ключ от которого давно утерян.

"Сейф-то не твой", — указал ему внутренний голос, но законы штата и государства утверждали обратное. Законы говорили, что он имеет полное право снять номер 1408 отеля «Дельфин», если у него возникло такое желание и никто не другой не занял этот номер раньше.

Он почувствовал, что Олин наблюдает за ним, с все той же легкой улыбкой на устах. словно подслушивал внутренний диалог Майка, не пропуская ни слова. Чувство это было неприятное, да и вообще пребывание в кабинете Олина вызывало крайне негативную реакцию. У него сложилось ощущение, что он постоянно оправдывается, с того самого момента, как он достал минидиктофон (обычно минидиктофон обезоруживал противную сторону) и включил его.

— Если в нашей беседе заложен какой-то глубокий смысл, мистер Олин, боюсь, мне его увидеть не удастся. У меня выдался трудный день. Если у вас больше нет возражений и я могу занять номер 1408, с вашего разрешения я хотел бы откланяться и подняться...

_ Я прочитал одну... как вы их называете? Эссе? Байки?

Майк называл их счетоплательщиками, но не собирался говорить об это вслух, под запись. Даже если эту запись делал его минидиктофон.

— Историю, — подобрал название Олин. — По одной истории из каждой книги. В "Домах с призраками" — про дом Рилсби в Канзасе...

— Ах, да. Убийства топором, какой-то человек, его так и не нашли, зарубил топором всех шестерых Рилсби.

— Совершенно верно. И еще о ночи, которую вы провели на могилах влюбленных с Аляски, которые покончили жизнь самоубийством, вроде бы их призраки люди видели около Ситки... и еще ваши впечатления о ночи, проведенной в замке Гартсби. И обнаружил, что это очень интересное чтение. Что меня удивило.

Ухо Майка ловило нотки презрения даже в самых хвalebных

комментариях его "Десяти ночей", и он не сомневался, что иногда презрение слышалось ему тем, где его не было и в помине (Майк обнаружил, что трудно найти большего параноика, чем писатель, который верит, в глубине души, что пишет чушь), но в данном случае презрение отсутствовало напрочь.

— Благодарю вас, — он посмотрел на минидиктофон. Обычно красный глазок наблюдал за собеседником, ждал, когда же тот что-нибудь ляпнет. Сегодня глазок определенно следил за ним.

— О, да, я и надеялся, что вы воспримите мои слова, как комплимент, — Олин забарабанил пальцами по верхней книжке. — Я хочу дочитать их до конца. Мне нравится, как вы пишете. К собственному изумлению, я смеялся, читая о ваших приключениях, в которых не было и толики сверхъестественного, в замке Гартсби. Я удивлен тем, что вы — такой хороший писатель. И так тонко все чувствующий и подмечающий. Я ожидал столкнуться с ремесленником, а не мастером.

Майк уже знал, что за этим последует. Вариация Олина на тему: "Что такая милая девушка делает в столь ужасном месте". Все-таки Олин не один год управлял городским отелем, принимал у себя светловолосых женщин в черных вечерних платьях, нанимал немолодых людей в смокингах, которые играли старые шедевры, вроде "Дня и ночи" в баре отеля. Олин, должно быть, читал Пруста в свободные от работы вечера.

— Но они и встревожили меня, эти книги. Если бы я не заглянул в них, не думаю, что стал бы дожидаться вас этим вечером. Увидев этого адвоката с брифкейсом, я понял, что намерены провести ночь в этом чертовом номере, и никакие мои доводы вас не разубедят. Но книги...

Майк протянул руку и выключил минидиктофон: маленький красный глазок его достал.

— Вы хотите знать, почему я копаюсь в отбросах? Не так ли?

— Я полагаю, вы делаете это ради денег, — миролюбиво ответил Олин. — И я не считаю, что вы копаетесь в отбросах, отнюдь... хотя любопытно, что, исходя из моих слов, вы пришли к такому выводу.

Майк почувствовал, что краснеет. Нет, он никак не ожидал такого поворота, он никогда не выключал минидиктофон во время разговора. И Олин оказался совсем не таким, как он предполагал. "Меня сбили с толку его руки, — подумал Майк. — Эти пухлые ручки менеджера отеля, с аккуратными белыми полукружьями ухоженных ногтей".

— А встревожило меня... более того, напугало... следующее: я читал книгу интеллигентного, талантливого человека, который абсолютно не верит в написанное им.

Это не совсем так, подумал Майк. Он написал, возможно, два десятка историй, в которые верил, но опубликовал лишь несколько. Он написал множество стихотворений, в которые верил, в свои первые восемнадцать месяцев в Нью-Йорке, когда голодал на нищенское жалование в "Виллидж войс". Но разве он верил в безголовый призрак Юджина Рилсби, шагающий под лунным светом по брошенному фермерскому дому в Канзасе? Нет. Он провел ночь в этом доме, устроившись на грязном вздувшемся линолеуме кухни, и не увидел ничего страшнее двух мышек, пробежавших вдоль плинтуса. Он провел жаркую летнюю ночь в развалинах трансильванского замка, где вроде бы правил Влад Тепес, но из всех вампиров на встречу с ним явились, правда, в большом количестве, европейские комары. Когда же он заночевал на могиле серийного убийцы Джеффри Дахмера, белая, в кровавых потеках, размахивающая ножом фигура возникла передним в два часа ночи, но смех друзей приведения выдал его, да и Майк Энслин все равно особо не испугался. Он мог отличить подростка, закутавшегося в простыню и размахивающего резиновым ножом от настоящего призрака. Но он не собирался рассказывать все это Олину. Он не мог позволить себе...

Да только мог. Минидиктофон (теперь он понимал, что допустил ошибку, достав его из чемодана) выключен, разговор определенно останется между ними. И, пусть кому-то это и покажется странным, он начал восхищаться Олином. А человеку, которым восхищаются, обычно говорят правду.

— Вы правы, я не верю ни в призраки, ни в приведения, ни в прочую длинноногую нечисть. Я радуюсь, что ничего этого в природе не существует, потому что нет у меня уверенности, что Господь Бог сможет уберечь нас от этих тварей. Я в это верю, но при этом с самого начала занял позицию бесстрастного наблюдателя. Я, возможно, не получу Пулитцеровскую премию за репортаж о Лающем призраке с кладбища "Гора надежды", но, явись он мне, я бы написал о нем со всей объективностью.

Олин что-то сказал, произнес одно слово, но слишком тихо, чтобы Майк расслышал его.

— Простите?

— Я сказал, нет, — в голосе Олина звучали нотки извинения.

Майк вздохнул. Олин принял его за лжеца. Когда разговор выходит на такой уровень, у тебя только два выхода: или выложить все козыри, или прекратить дискуссию.

— Почему бы нам не продолжить эту беседу в другой день, мистер Олин? Я бы хотел подняться наверх, почистить зубы. Может, я увижу в зеркале Кевина О'Молли, который материализуется у меня за спиной?

Майк начал подниматься, но Олин протянул одну пухлую, с ухоженными ногтями руку, чтобы остановить его.

— Я не называю вас лжецом, мистер Энслин, но вы не верите. Призраки редко являются тем, кто в них не верит, а если и являются, видят их еще реже. Юджин Рилсби, возможно, склонялся перед вами отрубленную голову в прихожей, но из кухни вы ничего не могли увидеть!

Майк встал, потом наклонился, чтобы подхватить чемоданчик.

— Если это так, я могу не волноваться насчет номера 1408, не правда ли?

— Как раз наоборот, — возразил Олин. — Должны. Потому призраков в 1408-ом нет и никогда не было. Что-то там есть, я это чувствовал на себе, но это совсем не призрак. В заброшенном доме или развалинах замка ваше неверие может служить вам защитой. В номере 1408 благодаря ему вы станете более уязвимым. Не делайте этого, мистер Энслин. Именно для этого я ждал вас сегодня, чтобы пробы просить, умолять, не делать этого. Из всех людей Земли, которым не следует заходить в этот номер, человек, который пишет такие веселые, такие интересные книги про призраков, занимает в списке первую строчку.

Майк все слышал и не слышал одновременно. "И ты выключил минидиктофон! — клял он себя. — Он смутил меня, заставив выключить минидиктофон, а теперь превращается в Бориса Карлоффа, устраивающего у себя Уик-энд знаменитых призраков! Черт! Я все равно его процитирую. Если ему это не понравится, пусть подает в суд".

Ему просто не терпелось подняться вверх. Не только для того, чтобы провести долгую ночь в угловом номере отеля, но и с тем, чтобы записать слова Олина, пока они не стерлись в памяти.

— Выпейте со мной, мистер Энслин.

— Нет, вообще-то я...

Мистер Олин сунул руку в карман и достал ключ, соединенный кольцом с тяжелой латунной пластиной. Поцарапанной, тусклой, старой. С выгравированными на ней цифрами: 1408.

— Пожалуйста, — продолжил Олин. — Доставьте мне удовольствие. Уделите еще десять минут вашего времени, этого хватит, чтобы выпить по стаканчику шотландского, и я отдам вам этот ключ. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы убедить вас отказаться от принятого решения, но мне хочется думать, что я знаю, когда дальнейшие уговоры становятся бесполезными.

— Вы до сих пор используете настоящие ключи? — спросил Майк. — Как мило. Это же чистый антиквариат.

— Номера «Дельфина» оборудованы магнитными замками с 1979 года. Аккурат тогда я меня назначили управляющим. Номер 1408 — единственный, который открывается обычным ключом. Не имело смысла ставить на дверь магнитный замок, поскольку всегда пуст. Последний раз в него кого-то поселили в 1978 году.

— Вы дурите мне голову! — Майк сел, вновь достал минидиктофон. Нажал клавишу «RECORD», сказал: "Управляющий отеля заявляет, что более двадцати лет номер 1408 пустует".

— Опять же, в дверь номера 1408 не стали врезать магнитный замок, потому что я абсолютно уверен, что работать бы он не стал. Электронные часы в номере 1408 не работают. Одни отстают, другие останавливаются. В номере 1408 узнать по ним точное время еще никому не удавалось. То же самое относится к карманным калькуляторам и сотовым телефонам. Если у вас есть бипер, мистер Энслин, советую вам выключить его, потому что в номере 1408 он начинает пикать, когда ему заблагорассудится, а не потому, что кого-то заинтересовал ваш автомобиль, — он помолчал. — Даже если вы его и выключите, потом он может не заработать. Единственное верное средство — вынуть из него батарейки, — он нажал на минидиктофоне клавишу «STOP», даже не посмотрев на надписи. Майк решил, что Олин хорошо знаком с этой моделью, возможно, надиктовывает на нее служебные записки.

— В действительности, мистер Энслин, единственное верное средство избежать неприятностей — держаться подальше от этого номера.

— Не могу, — Майк взял минидиктофон, убрал, — но думаю, у меня есть время выпить шотландского.

Пока Олин доставал бутылку из бара под картиной с изображением Пятой авеню в начале двадцатого века, Майк спросил, откуда ему известно, что в номере 1408 не работают бытовые устройства, созданные на основе высоких технологий, если с 1978 года там не останавливался ни один гость.

— Я же не говорил, что с 1978 года в этот номер не ступала нога человека, — ответил Олин. — Во-первых, раз в месяц горничные делают там легкую уборку. Сие означает...

Майк, который уже четыре месяца работал над книгой "Номера отелей с призраками" перебил его: "Я знаю, что сие означает". Легкая уборка нежилого номера означала следующее: открывались окна, вытиралась пыль, менялись полотенца. Постельное белье, скорее всего, нет. Он даже подумал, а не следовало ли ему захватить с собой спальник.

Направляясь к Майку по персидскому ковру, с двумя стаканами в руках, Олин словно прочитал мысли писателя.

— Постельное белье поменяли во второй половине дня, мистер Энслин.

— Почему бы вам не обойтись без фамилии? Зовите меня Майк.

— Вы уж извините, но так мне привычнее, — он протянул своему гостю стакан. — За вас.

— И за вас, — Майк поднял свой, намереваясь чокнуться с Олином, но тот отвел руку.

— Нет, за вас, мистер Энслин. Я настаиваю. Сегодня мы оба должны пить за вас. Вам это потребуется.

Майк вздохнул, ободок его стакана звякнул по ободку стакана Олина.

— За меня. Вам самое место в фильме ужасов, мистер Олин. Вы могли бы сыграть роль мрачного старого дворецкого, который пытается убедить молодую семейную пару держаться подальше от замка Рок.

Олин сел.

— Эту роль, слава Богу, мне приходится играть не часто. Номера 1408 нет ни на одном сайте, где перечисляются места, известные паранормальными явлениями, выбросами психической энергии...

"После моей книги ситуация кардинальным образом изменится", — подумал Майк.

— ... и в туристических путеводителях среди отелей, где видели призраков, отель «Дельфин» не значится. Зато указаны "Шерри- Нидерленд", «Плаза», "Парк-Лейн". Мы принимаем все меры, чтобы о номере 1408 знали как можно меньше... хотя, разумеется, всегда найдется историк, удачливый и дотошный одновременно.

Майк позволил себе улыбнуться.

— Вероника поменяла постельное белье, — продолжил Олин. — Я ее сопровождал. Вы можете гордиться, мистер Энслин. Можно сказать, постельное белье вам меняла особа королевской крови. Вероника и ее сестра пришли в отель «Дельфин» с 1971 или 72 года. Ви, как мы ее зовем, старейший работник «Дельфина», ее стаж как минимум на шесть лет больше моего. Она давно уже стала старшей горничной. Полагаю, постельное белье не меняла уже много лет, но до 1992 года она и ее сестра регулярно прибирались в номере 1408. Вероника и Селеста были близнецами, и существовавшая между ними внутренняя связь, похоже, позволяла им... как бы это сформулировать? Нет, нечувствительными в воздействию 1408 они не оставались, но могли противостоять ему... по крайней мере, на короткое время, которые занимала легкая уборка.

— Вы не собираетесь сказать мне, что сестра Вероники умерла в этом номере, не так ли?

— Нет, разумеется, нет. Она ушла с работы в 1988 году, по причине слабого здоровья. Но я не исключаю, что номер 1408 способствовал ухудшению ее психического и физического состояния.

— У нас вроде бы установилось полное взаимопонимание, мистер Олин. Надеюсь, оно никуда не денется, если я признаюсь, что нахожу ваши слова нелепыми.

Олин рассмеялся.

— Для исследователя мира призраков вы слишком материалистичны.

— Это мой долг перед читателями, — сухо ответил Майк.

— Наверное, я мог просто забыть про номер 1408, — промурлыкал менеджер отеля. — Дверь закрыта, свет погашен, шторы затянуты, чтобы не выцветал ковер, кровать застлана покрывалом, на нем меню завтрака, которое с вечера можно оставить на ручке двери... но мне претила сама мысль о том, что воздух в номере станет таким же затхлым, как на чердаке, а слой пыли будет расти день ото дня. Вы думаете, что я слишком пунктуальный или одержим чистотой?

— Я думаю, что вы хороший менеджер.

— Пожалуй. В любом случае, Ви и Си прибирались в номере, очень быстро, только входили и сразу выходили, пока Си не уволилась, а Ви не получила повышение. После этого уборкой занимались другие горничные, всегда по двое, и в пару я подбирал только тех, кто ладил между собой...

— В надежде, что у них тоже была внутренняя связь, помогающая противостоять привидениям?

— В надежде, что такая связь есть, да. Вы можете посмеиваться над привидениями номера 1408, мистер Энслин, но вы сразу почувствуете их присутствие, в этом я уверен. Что бы ни жило в этом номере, застенчивость ему не свойственна.

Во многих случаях, когда у меня была такая возможность, я шел с горничными, присматривал за ними, — он помолчал, потом с явной неохотой добавил. — Чтобы вытащить их оттуда, если произойдет что-то ужасное. Слава Богу, без этого обошлось. Несколько вдруг начинали плакать, на одну напал безумный смех, и знаете, смех этот напугал меня куда больше, чем слезы, кое-кто падал в обморок. Но, повторяюсь, ничего ужасного. За эти годы мне удалось провести несколько примитивных экспериментов, с биперами, сотовыми телефонами, часами, опять же, все обошлось. Слава Богу, — он вновь помолчал, потом добавил спокойным, бесстрастным тоном. — Одна из них

ослепла.

— Что?

— Горничная ослепла. Ромми ван Гелдер. Она вытирала пыль с телевизора и вдруг начала кричать. Я спросил ее, что случилось. Она бросила тряпку, подняла руки к глазам и прокричала в ответ, что она ослепла... но может видеть какие-то ужасные цвета. Они исчезли, как только я вывел ее из номера, а когда мы дошли до лифта, к ней начало возвращаться зрение.

— Вы рассказываете все это, чтобы напугать меня, мистер Олин, не так ли? Чтобы я не оставался ночевать в номере 1408?

— Пожалуй, что нет. Вы же знаете историю номера, начиная с самоубийства его первого жильца.

Майк знал. Кевин О'Молли, коммивояжер, продававший швейные машинки, покончил с собой 13 октября 1910 года, оставив жену и семерых детей.

— Пять мужчин и одна женщина выпрыгнули из единственного окна номера, мистер Энслин. Три женщины и один мужчина приняли смертельную дозу снотворного, двоих нашли в кровати, двоих — в ванной, женщину — в ванне, мужчину — сидящим на унитазе. Еще один мужчина повесился в стенном шкафу в 1970...

— Генри Сторкин, — вставил Майк. Это, вероятно, случайная смерть... эротическая асфиксия.

— Возможно. Но был еще Рандольф Хайд, который перерезал себе вены, а потом, истекая кровью, едва ли не полностью отхватил гениталии. Вот это уже не эротическая асфиксия. Я вот о чем толкую, мистер Энслин, если двенадцать самоубийств, совершенных в этом номере за шестьдесят восемь лет не убедили вас отказаться от вашей затеи, сомневаюсь, что ахи и стоны горничных окажутся более действенными.

"Ахи и стоны, это хорошо", — подумал Майк, решив что эта слава его книге не помешает.

— Редко кто из семейных пар, останавливающихся за эти годы в 1408, вновь просили дать им этот номер, — Олин одним глотком допил виски.

— За исключением близняшек-французенок.

— Это правда, — он кивнул, — Ви и Си бывали там часто.

Майка не волновали горничные и их... как там сказал Олин? Их ахи и стоны. Конечно, количество самоубийств, упомянутых Олином, производило впечатление... если уж Майк был столь толстокожим, не сам факт, так глубинный смысл происшедшего. Только никакого глубинного смысла не было. У вице-президентов Авраама Линкольна и Джона Кеннеди была одна фамилия — Джонсон. Линкольна и Кеннеди избрали президентами в год,

заканчивающийся на числе 60 Линкольна убили в театре Кеннеди: Кеннеди — в автомобиле «линкольн». И что доказывали эти совпадения? Ровным счетом ничего.

— Эти самоубийства найдут достойное отражение в моей книге, — ответил Майк, — и, поскольку диктофон выключен, я могу сказать вам, что они — пример явления, которое статистики называют "групповой эффект".

— Чарльз Диккенс называл это "картофельным эффектом", — вставил Олин.

— Простите?

— Когда призрак Джейкоба Марли впервые заговаривает со Скружем, Скруж говорил ему, что он всего лишь капля горчицы на куске недоваренной картофелины.

— Вы полагаете, это смешно? — в голосе Майка зазвучали ледяные нотки.

— В том, что связано с номером 1408, мистер Энслин, я ничего смешного не нахожу. Абсолютно ничего. Слушайте внимательно. Сестра Ви, Селеста, умерла от сердечного приступа. К этому моменту она уже страдала болезнью Альцгеймера средней степени, а заболела ей в очень раннем возрасте.

— Однако, ее сестра в полном порядке, о чем вы упомянули чуть раньше. Более того, являет собой пример реализации американской мечты. Как и вы, мистер Олин, если судить по внешнему виду. При том, что вы многократно заходили в номер 1408 и выходили из него. Сколько раз? Сто? Тысячу?

— На очень короткие промежутки времени, — уточнил Олин. — Знаете, ситуация та же самая, что с комнатой, заполненную ядовитым газом. Если задерживаешь дыхание, все будет в порядке. Я вижу, сравнение вам не нравится. Вы, без сомнения, находите его вычурным, даже нелепым. Однако, поверьте мне, очень удачное сравнение.

Он сложил пальцы домиком под подбородком.

— Так что возможно, некоторые люди быстрее и сильнее реагируют на обитателя этого номера. Вы же знаете, среди увлекающихся подводным плаванием одни люди переносят изменение наружного давления гораздо легче других. «Дельфин» открылся без малого сто лет тому назад, и за это время персонал отеля пришел к твердому убеждению, что 1408 — отравленный номер. Он стал частью истории этого дома, мистер Энслин. Никто не говорит о нем, как никто не упоминает о том, что четырнадцатый этаж, это, кстати, свойственно большинству отелей, на самом деле тринадцатый... но все сотрудники это знают. Если обнародовать все факты, связанные с этим номером, получится потрясающая история... только вряд ли ваши читатели

получат от нее удовольствие.

Я, например, не сомневаюсь, что едва ли не в каждом отеле Нью-Йорка случались самоубийства, но я готов поспорить на свою жизнь, что только в «Дельфине» двенадцать человек покончили с собой в одном номере. И, оставляя за кадром Селесту Романдю, нельзя сбрасывать со счетов смерть постояльцев 1408 номера от естественных причин. Так называемых естественных причин.

— И сколько их было? — мысль о том, что в 1408 люди умирали и от так называемых естественных причин, не приходила Майку в голову.

— Тридцать, — ответил Олин. — Как минимум, тридцать. Мне точно известно о тридцати.

— Вы лжете! — слова сорвались с губ Майка, прежде чем он успел их остановить.

— Нет, мистер Энслин, заверяю вас, не лгу. Или вы действительно думали, что мы держим номер пустым из-за суеверий или нелепой нью-йоркской традиции... может, идеи, что в каждом старом отеле должен обитать по меньшей мере один призрак, звенящий в своем номере невидимыми цепями?

Майк Энслин осознал, что такая идея, пусть и не сформулированная, безусловно, присутствовала на страницах его новых "Десяти ночей". И раздражение в голосе Олина (должно быть, так же раздраженно ученый разговаривал бы с туземцем, размахивающим гадальной доской) не добавило Майку спокойствия.

— В гостиничном бизнесе есть суеверия и традиции, мистер Энслин, но мы не позволяем им вмешиваться в дела. Когда я только начинал работать, на Среднем Западе еще говорили: "Когда скотоводы в городе, пустующих номеров нет". Если номер освобождается, мы его тут же заполняем. Единственное исключение, которое я сделал из этого правила, и наш разговор — единственный на эту тему, номер 1408, на тринадцатом этаже, сумма цифр на двери которого равняется тринадцати.

Олин пристально смотрел на Майка Энслина.

— В этом номере случались не только самоубийства, инсульты, инфаркты и эпилептические припадки. Один мужчина, остановившийся в нем, это случилось в 1973 году, утонул в тарелке супа. Вы скажете, что такого просто не может быть, но я разговаривал с человеком, который работал тогда в службе безопасности отеля и видел свидетельство о смерти. Неведомая сила, обитающая в номере, вроде бы слабеет к полудню, в расчетный час, когда обычно сменяется постоялец, и однако я знаю нескольких горничных, прибиравшихся в номере, которые теперь страдают от сердечных болезней, энфиземы, диабета. Три

года тому назад на этаже забарахлила система отопления, и мистер Нилу, тогда главному инженеру отелю, пришлось зайти в несколько номеров, чтобы проверить отопительные приборы, в том числе и в 1408. Он прекрасно себя чувствовал, и в самом номере, и потом, но на следующий день умер от массивного кровоизлияния в мозг.

— Совпадение, — отмахнулся Майк. Но ему пришлось признать, что Олин — мастер своего дела. Будь он вожатым летнего лагеря, до того бы перепугал детей, что после первого круга историй о призраках у лагерного костра, девяносто процентов запросилось бы домой.

— Совпадение, — повторил Олин, тихим голосом, с ноткой сожаления к собеседнику. Протянул старомодный ключ, соединенный кольцом с не менее старомодной латунной пластиной. — У вас с сердцем все в порядке, мистер Энслин? С кровяным давлением, с нервами?

Майк обнаружил, что ему потребовалось приложить немалое усилие, чтобы поднять руку... но, стоило заставить ее двигаться, все пошло, как по маслу. И когда брал ключ, пальцы его, насколько он мог судить, совершенно не дрожали.

— Претензий нет, — Майк зажал в кулаке латунную пластину. — А кроме того, на мне счастливая гавайская рубашка. Зря, что ли, я ее надевал.

Олин настоял на том, чтобы сопроводить Майка на четырнадцатый этаж, впрочем, тот особо не возражал. Ему хотелось понаблюдать за трансформацией, через которую предстояло пройти мистеру Олину, едва они покинули бы его уютный кабинет и зашагали по коридору к лифтам, хотелось увидеть, как он вновь превратится в несчастного менеджера отеля, бедолагу, попавшему в писательские когти.

Мужчина в смокинге, Майк догадался, что это управляющий ресторана или метрдотель, остановил их, протянул Олину несколько листков, что-то прошептал на французском. Олин ответил также шепотом, на том же языке, кивнул, быстро расписался на каждом из листков. В баре пианист играл "Осень в Нью-Йорке". С такого расстояния звук долетал до них эхом, как музыка, которую слышишь во сне.

Мужчина в смокинге со словами: "Merci bien"^[4] — повернулся и пошел по своим делам. Олин вновь попросил разрешения донести до номера маленький чемоданчик, и Майк опять ответил отказом. В лифте взгляд Майка, как магнитом, притянуло к тройному ряду кнопок. На каждой кнопке цифры, все, как положено, и надо приглядеться повнимательнее, чтобы заметить, что за кнопкой 12 следует кнопка 14. "Словно, — думал Майк, —

они лишили промежуточное число права на существования, убрав его с панели управления лифтом. Глупость... и, однако, правота на стороне Олина. Такое можно увидеть в отелях по всему миру".

— Мистер Один, — нарушил затянувшуюся паузу Майк, когда кабина пошла вверх. — Мне любопытно. Почему вы не поселили в 1408 фиктивного постояльца, если уж этот номер так вас пугает? Или другой вариант, почему вы не записали этот номер на себя?

— Полагаю, боялся, что меня обвинять в мошенничестве, если не сотрудники официальных органов и активисты организаций, защищающих гражданские права, поверьте мне, менеджеры отелей вздрагивают при упоминании о законах, обеспечивающих гражданские права, совсем как ваши читатели, которым ночью слышится звон цепей, то мои боссы, как только до них дошла бы такая информация. Если я не смог убедить вас держаться подальше от номера 1408, сомневаюсь, что мне бы удалось достигнуть лучших результатов, убеждая совет директоров "Стэнли Корпорэйшн" в правомерности своего решения никого не селить в этот номер из-за страха перед призраками, благодаря которым заезжий коммивояжер выпрыгнул из окна и разбился в лепешку об асфальт Шестьдесят первой улицы.

Майк нашел, что последняя тирада мистера Олина встревожила его больше всего. "Потому что он больше не пытается меня отговаривать, — подумал он. — Убедительность, достойная лучшего коммивояжера, которой обладали его слова в кабинете, может, благодаря особой ауре, создаваемой персидским ковром, здесь исчезла. Компетентность осталась, да, это чувствовалось в его манере, когда он подписывал бумаги, а вот умение убеждать — нет. Исчезла вместе с личным магнетизмом. Как только они вышли из кабинета. Но он верит, что в 1408 кто-то или что-то есть. Верит безо всяких на то сомнений".

Над дверью погасло окошечко с числом 12 и зажглось следующее, с числом 14. Кабина остановилась. Двери разошлись, открыв обычный гостиничный коридор, устланный красно-золотым ковром (само собой, не персидским). Освещался коридор настенными светильниками, стилизованными под газовые фонари девятнадцатого века.

— Приехали, — сказал Олин. — Ваш этаж. Вы уж извините меня, но здесь я с вами расстанусь. 1408 — по левую руку, в конце коридора. Без крайней на то необходимости, я к нему не приближаюсь.

Майк Энслин вышел из кабины. У него создалось ощущение, что ноги заметно потяжелели, словно и им не хотелось приближаться к номеру 1408. Повернулся к Олину, невысокому

толстячку в черном, сшитом по фигуре костюме и вязаном бордовом галстуке. Олин сцепил руки за спиной, и Майк увидел, что лицо толстячка белое, как молоко. На высоком, без единой морщины лбу выступили капельки пота.

— В номере, естественно, есть телефон, — выдавил из себя Олин. — Вы можете попробовать позвонить, если что-то случится... но я сомневаюсь, что он будет работать. Если только номер этого не захочет.

Майк попытался ответить шуткой, к примеру, насчет того, что ему не придется давать чаевые официанту бюро обслуживания, но язык стал таким же тяжелым, как и ноги.

Одна рука Олина вынырнула из-за спины и Майк увидел, что она дрожит.

— Мистер Энслин. Майк. Не делайте этого. Ради Бога...

Прежде чем он закончил фразу, двери лифта закрылись, отсекая его от собеседника. Майк какое-то время постоял, в привычной тишине коридора нью-йоркского отеля на, пусть ни один сотрудник «Дельфина» в этом бы не сознался, тринадцатом этаже, думая о том, чтобы протянуть руку и нажать кнопку вызова кабины.

Да только, нажми он кнопку, Олин бы победил. И на месте лучшей главы его новой книги появилась бы зияющая дыра. Читатели об этом бы не узнали, издатель и литературный агент тоже, как и адвокат Робертсон,... но он бы знал.

И вместо того, чтобы вызывать лифт, Майк поднял руку и коснулся сигареты за ухом, отвлекая себя от тревожных мыслей, а потом щелкнул пальцем по воротнику счастливой гавайской рубашки. И зашагал по коридору к номеру 1408, беззаботно помахивая маленьким чемоданчиком.

Самым интересным артефактом, оставшемся от короткого (порядка семидесяти минут) пребывания Майка Энслина в номере 1408, стала одиннадцатиминутная запись, сохранившаяся на минидиктофоне. Сверху он немного обуглился, но пленка не пострадала. Удивительно, но на пленке, если говорить о содержании, практически ничего не записано, а то, что все-таки записалось, более чем странно.

Минидиктофон ему подарила бывшая жена, они расстались по взаимному согласию, друзьями, пять лет тому назад. Майк взял его с собой в свою первую экспедицию (на ферму Рилсби в Канзас), в качестве довеска к пяти большим блокнотам и кожаному футляру с остро заточенными карандашами. Но к тому моменту, когда он подошел к двери номера 1408 отеля «Дельфин», за его плечами были три книги, поэтому ручка и маленький блокнот лишь дополняли пять чистых девяностоминутных кассет. Шестую он вставил в минидиктофон перед тем, как выйти из квартиры.

Выяснилось, что магнитофонная запись куда лучше исписанных страниц блокнота: она сохраняла нюансы, которые не могла отразить бумага. К примеру, посвист рассекающих воздух летучих мышей, которые, в отличие от призраков, атаковали его в замке Гартсби. И его крики, прямо-таки девушки, впервые попавший в дом с привидениями. Друзья хохотали до упаду, слушая эту запись.

И записывать собственные впечатления на магнитную пленку, а не в блокнот оказалось легче и проще, особенно, если ты мерзнешь на кладбище Нью-Брансуика, а в три часа ночи твоя палатка рушится от резкого порыва ветра с дождей. Записывать в таких условиях нельзя, а вот говорить — пожалуйста... что Майк и делал, говорил и говорил, выбиваясь из-под мокрой парусины палатки, ни на мгновение не теряя из виду такой милый сердцу красный огонек минидиктофона. За годы, проведенные в экспедициях, минидиктофон «сони» стал его близким другом. На тоненькую пленку, бегущую между бобинами, ему ни разу не удалось записать свидетельство паранормального события, это относится и к отрывочным комментариям, сделанным им в номере 1408, однако он сроднился с маленьким устройством, который, можно сказать, стал его неотъемлемой частью. Такое бывают. Дальнобойщики влюбляются в свои восемнадцатиколесные «Кенуорты» и «Джимми-Питы», писатели души не чают в какой-нибудь ручке или старой пишущей

машинке, профессиональные уборщицы не желают расставаться со старым пылесосом «Электролюкс». Майку, когда при нем находился минидиктофон, играющий роль креста или связки чеснока, ни разу не довелось столкнуться с настоящим призраком или психокинетическим явлением, зато на пару они провели много холодных ночей далеко не в самых приятных местах. Майк был законченным рационалистом, но это не мешало ему оставаться человеком.

Проблемы с 1408-ым начались даже до того, как он вошел в номер.

Взглянув на дверь, Майк увидел, что она перекошена.

Перекошена не вся, лишь малая ее часть, слева. Этот перекос напомнил ему фильмы ужасов, в которых режиссер пытался показать психическое заболевание одного из героев, наклоня камеру в ту или другую сторону. За первой ассоциацией последовала другая: дверь на корабле во время сильной качки. Она наклоняется вперед и назад, вправо и влево, пока голова не начинает идти кругом, а к горлу не подкатывает тошнота. У него таких ощущений вроде бы не было, совсем не было, ну...

Нет, все-таки были. Но чуть-чуть.

И он об этом напишет в книге, хотя бы с тем, чтобы отвергнуть инсинуации Олина, утверждавшего, что его рационализм не позволяет объективно писать призраках и связанным с ними.

Он наклонился (отметил, что головокружение и тошнота моментально пропали, едва перекошенный участок двери исчез из поля зрения), расстегнул молнию, из бокового отделения чемодана достал минидиктофон... Выпрямляясь, нажал на клавишу «RECORD», увидел зажегшийся красный глазок и уже открыл рот, чтобы сказать: "Дверь номера 1408 встречает меня уникальным образом, перекосом малой своей части слева".

Произнес первое слово, дверь, и замолчал. Если вы послушаете пленку, то услышите его и щелчок клавиши «STOP». Потому что перекос уже исчез. Майк видел перед собой четкий прямоугольник. Повернулся, посмотрел на дверь номера 1409, через коридор, потом вновь перевел взгляд на 1408-й. Обе двери выглядели одинаково, белые, с золотыми табличками и ручками. Никаких перекосов, по четыре прямых угла, соединенных прямыми линиями.

Майк опять наклонился, рукой, в которой держал минидиктофон, подхватил чемоданчик, другую руку, с ключом, протянул к замку, и замер.

Вновь появился перекос.

На этот раз справа.

— Это нелепо, — пробормотал Майк, но тошнота вернулась. Тошнота, которая уже не напоминала морскую болезнь, была ею. Два года тому назад он плавал в Англию на "Королеве Элизабет Второй", и одну ночь очень уж штормило. Майк помнил, как лежал на кровати в своей каюте. Его мутило, но вырвать так и не удалось. И это тошнотворное головокружение только усиливалось, если он смотрел на дверь... или стул... или стол... которые так и ходили взад-вперед, вправо-влево...

"Во всем виноват Олин, — подумал Майк. — Именно этого он и добивается. Как следует накрутил. Завел. Как бы он смеялся, если б видел меня в этот момент. Как..."

И тут до него дошло, что Олин, возможно, видит его в этот самый момент. Майк оглядел коридор, не заметив, что головокружение и тошнота исчезли, как только взгляд сместился от двери. У потолка, слева от лифтов, увидел то, что и ожидал: камеру внутреннего наблюдения. Один из сотрудников службы безопасности отеля наверняка постоянно дежурил у мониторов, и Майк мог поспорить, что Олин сейчас стоял рядом с ним, оба смотрели на него и лыбились, как обезьяны. "Это отучит его приходить сюда и качать права, да еще и натравливать на нас адвоката", — говорит Олин. "Вы только посмотрите! — восклицает сотрудник службы безопасности, его улыбка становится еще шире. — Бледный, как призрак, а ведь он еще даже не вставил ключ в замок. Вы его уели, босс! Он же дрожит, как лист на ветру".

"Черта с два, — подумал Майк. — Я оставался в доме Рилсби, спал в комнате, где убили двух членов его семьи... и я спал, поверите вы мне или нет. Я провел ночь рядом с могилой Джеффри Дахмера и еще одну неподалеку от могилы Г.П. Лавкрафта. Я чистил зубы рядом с ванной, в которой сэр Дейвид Смайт вроде бы утопил обоих своих жен. Я давно уже перестал бояться историй, которые рассказывают у костра в летнем лагере. Будь я проклят, если вы меня уели!"

Он посмотрел на дверь: четкий, безупречный прямоугольник. Пробурчал что-то неразборчивое, вставил ключ в замочную скважину, повернул. Дверь открылась. Майк вошел. Дверь не захлопнулась за ним, пока он искал на стене выключатель, не оставила в полной темноте (кроме того, сквозь окно проникал отсвет огней многоквартирного дома, высящегося напротив отеля). Выключатель он нашел. Когда нажал на клавишу, вспыхнули лампы подвешенной под потолком хрустальной люстры. Зажегся и торшер у стола в дальнем углу комнаты.

Окно располагалось над столом, чтобы тот, кто сидел за ним, мог оторваться от работы и взглянуть на Шестьдесят первую

улицу... или прыгнуть на Шестьдесят первую улицу, если вдруг возникнет такое желание. Только...

Майк поставил чемодан на пол у самого порога, закрыл дверь, нажал клавишу «RECORD». Загорелся маленький красный огонек.

— По словам Олина, шесть человек выпрыгнуло из окна, в которое я сейчас смотрю, — начал Майк, — но этим вечером я не собираюсь нырять с четырнадцатого, простите меня, с тринадцатого этажа отеля «Дельфин». Окно забрано стальной или железной решеткой. Безопасность лучше еще одних похорон. По моему разумению, 1408-й относится к категории номеров, которые называются полулюкс. В комнате, где я нахожусь, два стула, диван, письменный стол, стойка с дверцами, за которыми, скорее всего телевизор и минибар. Ковер на полу ничего из себя не представляет, можете мне поверить, не чета персидскому в кабинете Олина. На стенах обои. Они... один момент...

В этот момент раздается очередной щелчок: Майк вновь нажимает на клавишу «STOP». Собственно вся запись фрагментарна, состоит от отдельных отрывков, чем разительно отличается от более чем ста пятидесяти кассет, ранее надиктованных Майком и хранящихся у его литературного агента. Более того, с каждым новым отрывком меняется голос. Если начинал диктовать человек, занятый важным делом, то потом он уступает место другому человеку, совершенно сбитому с толку, плохо соображающего, который, того не замечая, уже разговаривает сам с собой. Рваный ритм записи, в сочетании с все более бессвязной речью у большинства слушателей вызывают тревогу. Многие просят выключить пленку задолго до того, как запись, очень короткая, подходит к концу. Словами невозможно адекватно передать нарастающую убежденность слушателя в том, что человек, который диктовал эту странную запись, если не сходит с ума, то определенно утрачивает связь с окружающей его реальностью, но даже эти слова дают понять: в номере 1408 что-то происходило.

В тот момент, когда Майк выключил минидиктофон, он заметил картины на стенах. Их было три: дама в вечернем туалете двадцатых годов, стоящая на лестнице, парусник, летящий по волнам, и натюрморт с преобладанием желтого и оранжевого цвета: яблоки, бананы, апельсины. Все под стеклом и скособоченные. Он хотел упомянуть об этом, но подумал, а стоит ли наговаривать на пленку про три скособоченные картины? Вот и про перекошенную дверь хотел наговорить, да только выяснилось, что дверь совсем и не перекошена, просто в какой-то момент его подвели глаза, ничего больше.

Левый верхний угол картины с дамой на ступенях опустился как минимум на дюйм относительно правого. Точно так же висел и парусник, с борта которого пассажиры наблюдали за летающими рыбами. А вот у желто-оранжевых фруктов, Майку казалось, что они освещены жарким экваториальным солнцем, солнцем пустыни, каким рисовал его Пол Боулс, левый верхний угол поднимался над правым. Взгляда, брошенного на картины хватило, чтобы вновь вызвать тошноту. Его это не удивило. Срабатывал рефлекс на определенную ситуацию. Он столкнулся с этим на «КЕ-2». Тогда Майку объяснили, что со временем человек привыкает к качке и "морская болезнь сходит на нет". Но Майк не провел в море достаточно времени, чтобы адаптироваться к качке, да, пожалуй, и не хотел. Вот и не удивился, когда скособоченные картины в гостиной номера 1408 вызвали у него рецидив морской болезни, которую, правда, в данном конкретном случае следовало назвать сухопутной.

Стекла над картинами покрывала пыль. По одному он провел пальцами, какое-то время смотрел на две параллельные полосы. На ощупь пыль казалась жирной, склизкой. "Как шелк перед тем, как он начинает гнить", — пришло на ум, но и это сравнение он не собирался оставлять на пленке. Откуда он мог знать, каков на ощупь шелк, который вот-вот сгниет? На такие сравнения способен только пьяный.

Поправив картины, он отступил на шаг и вновь внимательно всмотрелся в каждую: женщина в вечернем туалете у двери, ведущую в спальню, пароход, бороздящий одно из семи морей, слева от письменного стола, и, наконец, отвратительно нарисованные фрукты у стойки с телевизором. Где-то он ждал, что картины вновь скособочатся, а то и упадут на пол, как это случалось в фильмах вроде "Дома на холме призраков" или в некоторых сериях "Сумеречной зоны", но картины висели ровно. При этом он сказал себе, что не удивился бы, если б картины скособочились. По собственному опыту знал, что повторяемость заложена в природе вещей: люди, которые бросили курить (не отдавая себе отчета, он коснулся сигареты за ухом), хотят взяться за старое, картины, провисевшие скособоченными с тех времен, когда Никсон был президентом, стремятся вернуться в привычное положение. "И так они провисели долго, двух мнений тут быть не может, — думал Майк. — Если я сниму их со стен, то увижу за ними более темные, не выцветшие участки обоев. Может, полезут и какие-нибудь жучки-червячки, как бывает, если выворачиваешь из земли камень".

Он и сам не знал, откуда взялась эта шокирующая и отвратительная мысль, но перед его мысленным взором возникли

слепые белые черви, как гной, выползающие сквозь прямоугольники обоев, прикрытых картинами.

Майк поднес минидиктофон ко рту, включил его на запись, сказал: "Такие мысли появились у меня в голове стараниями Олина. Он изо всех сил пытался напугать меня, сбить с толку, дезориентировать, и ему это удалось. Я не хотел..." Не хотел что? Об этом можно только догадываться. Потому что на пленке следует короткая пауза, после которой Майк Энслин говорит ясно и отчетливо, чеканит: "Я должен взять себя в руки. Немедленно", — и следует щелчок выключения записи.

Он закрыл глаза четыре раза глубоко вдохнул, задерживая воздух на пять секунд, прежде чем выпустить его из груди. Раньше ничего похожего с ним не случалось, ни в домах, где вроде бы обитали призраки: ни на кладбищах или в замках, славящихся тем же. Какие там признаки, скорее, речь могла о том, что он обкурился низкокачественной травкой.

"Это проделки Олина. Олин загипнотизировал тебя, но ты вырвался из-под его чар, — слышался в голове внутренний голос. — Ты должен провести чертову ночь в этом номере, и не только потому, что в более интересном месте ты еще не бывал (даже без Олина ты близок к тому, чтобы написать о призраках лучшую историю десятилетия. Главное, ты не должен дать Олину выиграть. Ему и его лживой байке о тридцати людях, которые вроде бы здесь умерли, они не должны победить. Ты окажешься на коне — не он. Поэтому глубокий вдох... выдох. Глубокий вдох... выдох".

Он вдыхал и выдыхал порядка девяноста секунд, и когда вновь открыл глаза, почувствовал себя гораздо лучше, практически пришел в норму. Картины на стенах? Висят прямо. Фрукты в вазе? Такие же желто-оранжевые, разве что еще более отвратительные. Безусловно, фрукты из пустыни. Съешь один, и будешь дристать до посинения.

Он нажал клавишу «RECORD». Зажегся красный огонек. "На минуту-другую у меня закружилась голова, — он двинулся к письменному столу. — Должно быть, похмелье после олинской болтовни, но я могу поверить, что почувствовал чье-то присутствие, — ничего такого, он, разумеется, не чувствовал, но это был тот самый случай, когда мог диктовать, что вздумается. — Воздух спертый. Но плесенью или пылью не пахнет. Олин говорил, что при уборке номер всякий раз проветривается, но прибираются быстро... и воздух спертый.

На письменном столе стояла пепельница, небольшая, из толстого стекла, какие встретишь в любом отеле, в ней лежала книжница спичек. Само собой, с отелем «Дельфин» на этикетке.

Перед отелем стоял швейцар в давнишней униформе, с эполетами, расшитой золотом, в фуражке, какую сейчас можно увидеть в баре для геев, угнездившуюся на голове мотоциклиста, остальной наряд которого может состоять лишь из нескольких серебряных браслетов. По улице перед отелем катили автомобили другой эпохи: «паккарды» и «хадсоны», студебекеры" и забавные "крайслер-ньюйоркеры".

— Книжица спичек в пепельнице выглядит так, словно перенеслась сюда из 1955 года, — Майк сунул ее в карман счастливой гавайской рубашки. — Я сохраняю ее, как сувенир. А теперь пора впустить в номер свежий воздух.

Слышится стук, должно быть, он поставил минидикрофон на письменный стол. Потом пауза, наполненная какими-то звуками, тяжелым дыханием. Наконец, скрип.

— Победа! — слышится издали, но потом голос приближается, должно быть, Майк берет минидиктофон в руку. — Победа! Нижняя половина не хотела подниматься, словно ее заклинило, но верхняя опустилась без проблем. Я слышу шум транспортного потока на Пятой авеню, автомобильные гудки успокаивают. Где-то играет саксофон, возможно, перед «Плазой», которая на другой стороне Пятой авеню, через два квартала. Эти звуки напоминают мне о брате.

Майк замолчал, глядя на маленький красный глаз. Вроде бы глаз этот в чем-то его обвинял. Брат? Его брат умер, еще один солдат, павший на табачной войне. И тут же Майк расслабился. Что с того? Были и призрачные войны, в которых Майкл Энслин всегда выходил победителем. Что же касается Дональда Энслина...

— В действительности моего брата как-то зимой съели волки на Коннектикутской платной автостраде, — сказал он, рассмеялся и остановил запись. На пленке осталось кое-что еще, немного, конечно, но это было последнее связное предложение, смысл которого могли понять слушатели.

Майк развернулся, посмотрел на картины. Они висели ровно, хорошие маленькие картины. Застывшая жизнь... до чего же она отвратительна!

Он включил запись и произнес два слова: "Пылающие апельсины", нажал на клавишу «STOP», направился к двери, ведущей к спальне. Остановился у дамы в вечернем платье, а затем сунулся в темноту, ища на стене выключатель. Ему хватило мгновения, чтобы понять,

(на ощупь они как кожа, старая мертвая кожа)

что с обоями, по которым скользила его ладонь, что-то не так, а потом пальцы нащупали выключатель. Спальню залил

желтый свет подвешенной под потолком хрустальной люстры, чуть меньших размеров, чем в гостиной. На двуспальной кровати лежало желто-оранжевое покрывало.

"Зачем говорить прячясь?" — спросил Майк в минидиктофон и опять выключил запись. Переступил порог, зачарованный пылающей пустыней покрывала, холмами выпирающих из-под него подушек. Спать здесь? Ни в коем разе, сэр. Все равно, что спать в гребаной застывшей жизни, спать в ужасной жаркой комнате Пола Боулса, которую ты не можешь увидеть, комнате для сумасшедших, лишенных гражданства англичан, слепых от сифилиса, которым они заразились, трахая своих матерей, киноверсия с участием или Лоренса Харви, или Джереми Айронса, одного из актеров, которые естественным образом ассоциируются с извращениями...

Майк нажал клавишу «RECORD», увидел загоревшийся красный глазок, сказал: "Орфей на орфейном кругу!" — и выключил запись. Приблизился к кровати. Покрывало желто-оранжево блестело. Обои, возможно, кремовые при дневном свете, впитали в себя желто-оранжевое сияние покрывала. По обе стороны кровати стояли тумбочки. На одной Майк увидел телефонный аппарат, черный, большой, с наборным диском. Отверстие для пальцев на диске напоминали удивленные белые глаза. На другой — блюдо со сливой. Майк включил запись, "Это не настоящая слива. Это пластмассовая слива", — и опять нажал на клавишу "STOP".

На покрывале лежало меню, которое желающие получить завтрак в номер оставляли на ручке двери. Майк присел на край кровати, стараясь не притрагиваться ни к ней, ни к стене, поднял меню. Старался не притрагиваться и к покрывалу, но провел по нему подушечками пальцев и застонал. Прикосновение вызвало у него ужас. Тем не менее, он уже держал меню в руке. Увидел, что оно на французском, и хотя прошли годы с тех пор, как он изучал этот язык, понял, что одно из блюд, предлагавшихся на завтрак — птицы, запеченные в дерьме. "Французы могут есть и такое", — подумал он и безумный смех сорвался с его губ.

Он закрыл глаза, открыл.

Французский язык сменился русским.

Закрыл глаза, открыл.

Русский сменился итальянским.

Закрыл глаза, открыл.

Меню исчезло. С картинки на Майка смотрел кричащий маленький мальчик, оглядывающийся на волка, который вцепился в его левую ногу чуть выше колена. Волк не отрывал взгляда от мальчика и напоминал терьера со своей любимой

игрушкой.

"Я ничего этого не вижу", — подумал Майк, и, разумеется, не видел. Если он не закрывал глаз, то держал в руке меня с аккуратными английскими строчками, каждая из которых предлагала полакомиться за завтраком тем или иным творением кулинарного искусства. Яйца во всех видах, вафли, свежие ягоды, никаких птиц, запеченных в дерьме. Однако...

Он повернулся, осторожно выскользнул из зазора между стеной и кроватью, который теперь казался узким, как могила. Сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался не только в груди, но и в шее и запястьях. Глаза пульсировали в глазницах. С 1408-ым что-то не так, определенно что-то не так. Олин говорил про отравляющий газ, и теперь Майк на себе убедился в его правоте: кто-то заполнил номер этим газом или сжег гашиш, щедро сдобренный ядом для насекомых. Все это, разумеется, проделки Олина, которому, конечно же, с радостью помогали сотрудники службы безопасности. Газ закачали через вентиляционные воздуховоды. Он не видел решеток, которые их закрывали, но сие не означало отсутствие в номере таковых.

Широко раскрывшимися, испуганными глазами Майк оглядел спальню. С тумбочки, стоявшей слева от кровати, исчезла слива. Вместе с блюдом. Он видел лишь гладкую, полированную поверхность. Майк повернулся, направился к двери, остановился. На стене висела картина. Полной уверенности у него не было, в таком состоянии он уже не мог с полной уверенностью назвать собственное имя, но вроде бы, войдя в спальню, никакой картины он не заметил. Опять застывшая жизнь. Одна-единственная слива на оловянной тарелке посреди старого, грубо сколоченного из досок стола. На сливу и тарелку падал будоражащий желто-оранжевый свет.

"Танго-свет, — подумал Майк. — Свет, который заставляет мертвых подниматься из могил и танцевать танго. Свет, который..."

— Я должен выбраться отсюда, — прошептал он и, пошатываясь, вышел в гостиную. Вдруг осознал, что каждый шаг сопровождается чавкающими звуками, а пол становится все мягче.

Картины на стенах скособочились, но на этом изменения не закончились. Дама на лестнице стянула платье вниз, обнажила груди. Приподняла их руками. С сосков свисали капли крови. Смотрела она прямо в глаза Майку и яростно улыбалась, скаля зубы. На паруснике вдоль планширя рядом выстроились бледные мужчины и женщины. Крайний слева мужчина, стоящий у самого носа, в коричневом костюме из шерстяной материи, держал в

руке шляпу. Расчесанные на прямой пробор волосы липли ко лбу. На лице читались ужас и пустота. Майк узнал его: Кевин О'Молли, первый жилец номера 1408, который выпрыгнул из этого окна в октябре 1910 года. Рядом с О'Молли стояли все те, кто отправился из этого номера в мир иной, выражением лиц они ничем не отличались от О'Молли. Поэтому напоминали родственников, создавали впечатление, будто являются членами большой семьи.

На третьей картине фрукты сменила отрубленная человеческая голова. Желто-оранжевый свет падал на запавшие щеки, запекшиеся губы, уставившиеся вверх, поблескивающие глаза, сигарету, заткнутую за правое ухо.

Майк рванулся к двери. Чавканье при каждом шаге усилилось, ноги даже проваливались в пол-трясину. Дверь, понятное дело, не открылась. Майк не запирает ее ни на замок, ни на цепочку, но она не желала открываться.

Тяжело дыша, Майк отвернулся от нее и побрел через гостиную к письменному столу. Видел, как колышутся занавески от притока воздуха через открытое окно, сам его открывал, но не чувствовал ни малейшего дуновения. Словно комната проглатывала свежий воздух. Слышал автомобильные гудки на Пятой авеню, но доносились они из далекого далека. А саксофон? Если звуки музыки и долетали до окна, комната крала мелодию, оставляя мерное гудение. Так гудел бы ветер, в дыре, пробитой в шее мертвеца, или в кувшине, наполненном отрубленными пальцами, или...

"Прекрати", — попытался сказать он, да только лишился дара речи. Сердце билось с невероятной частотой, если бы чуть-чуть ускорило бег, непременно бы разорвалось. Он более не сжимал в руке минидиктофон, верный спутник всех походов по "местам боевой славы". Где-то оставил. Если в спальне, его уже наверняка нет, комната проглотила его, с тем, чтобы переваренного высрать в одну из картин.

Жадно ловя ртом воздух, как бегун в конце длинной дистанции, Майк прижал руку к груди, словно с тем, чтобы чуть успокоить сердцебиение. И нащупал в левом нагрудном кармане цветастой рубашки «коробок» минидиктофона. Прикосновение к прочному и знакомому в определенной степени привело его в чувство. Как выяснилось, он что-то бубнил себе под нос, а комната бубнила в ответ, словно миллионы ртов скрывались под отвратительными на ощупь обоями. До него вдруг дошло, что его сильно мутит и желудок готов вот-вот вывернуться наизнанку. Он чувствовал, что воздух сгущается, заполняя уши, превращаясь в вату.

Но в какой-то мере он все-таки пришел в себя, во всяком случае, осознал: он должен позвать на помощь, пока еще есть время. Мысль об ухмыляющемся Олине (как умеют ухмыляться менеджеры нью-йоркских отелей), о словах, которые он всенепременно услышит: "Я же вас предупреждал", — более не тревожила его, идея, что Олин вызвал эти странные ощущения, закачав через вентиляционную систему отравляющий газ, вылетела из головы. Причина, конечно же, была в самом номере. Этом чертовом номере.

Он намеревался резко протянуть руку к телефонному аппарату, двойнику того, что стоял в спальне, схватить трубку. В действительности он наблюдал, как рука плавно, будто в замедленной съемке, движется к столу, прямо-таки рука ныряльщика. Его даже удивило, что он не увидел пузырьков воздуха.

Пальцы его сжались на трубке, подняли ее. Другая рука также медленно двинулась к диску, набрала 0. Поднеся трубку к уху, он услышал серию щелчков: диск возвращался в первоначальное положение. Совсем как колесо в "Колесе фортуны", вы хотите вращать колесо или назовете слово? Помните, если вы попытаетесь назвать слово и ошибетесь, вас оставят в снегу рядом с Коннектикутской платной автострадой, на съедение волкам.

Гудка он не услышал. Зато в трубке раздался хриплый голос: "Это девять! Девять! Это девять! Девять! Это десять! Десять! Мы убили всех твоих друзей! Все твои друзья уже мертвы! Это шесть! Шесть!"

С нарастающим ужасом Майк вслушивался не в голос, а в заполняющую его пустоту. То был голос не машины, не человека — самого номера. Это неведомое изливалось из стен и пола, говорило с ним по телефону, и не имело ничего общего ни с призраками, ни с паранормальными явлениями, о которых ему доводилось читать. Он столкнулся с чем-то совершенно чужим, рожденным не на Земле.

"Нет, его пока еще нет... но это нечто приближается. Оно голодно, а ты — обед".

Телефонная трубка вывалилась из разжавшихся пальцев и Майк обернулся. Трубка болталась на конце провода, а желудок Майка сжимался и разжимался. Он слышал доносящиеся из трубки хрипы: "Восемнадцать! Уже восемнадцать! Укройся, когда раздастся сирена! Это четыре! Четыре!"

Не отдавая себе отчета, он достал сигарету из-за уха, сжал губами, вытащил из нагрудного кармана цветастой рубашки книжицы спичек с золоченым швейцаром на этикетке, потому что, после девяти лет воздержания, решил таки закурить.

Перед ним комната начала расплываться.

Прямые углы и линии уступали место не кривым, а мавританским аркам, от взгляда на которые болели глаза. Хрустальная люстра под потолком начала трансформироваться в большую каплю слюны. Картины начали искривляться, принимая форму ветрового стекла автомобиля. На картине, что висела у двери в спальне, женщина в вечернем платье двадцатых годов, с кровоточащими сосками, скалящая зубы, повернулась и побежала вверх по лестнице, высоко вскидывая колени, женщина-вамп из немого фильма. Телефон продолжал хрипеть, доносящиеся из трубки звуки буравили барабанные перепонки: "Пять! Это пять! Не обращай внимания на сирену! Даже если ты уйдешь из этого номера, ты никогда не покинешь этот номер! Восемь! Это восемь!"

Двери в спальню и в коридор сжались по высоте, расширились посередине, словно предназначались для прохода бочкообразных существ. Свет становился ярче и жестче, наполняя комнату желто-оранжевым сиянием. Теперь Майк видел разрывы в обоях, черные поры, каждая из которых быстро превращалась в рот. Пол прогнулся вниз, Майк уже отчетливо чувствовал, что нечто совсем рядом, обитатель комнаты, существо, живущее в стенах, обладатель хриплого голоса. "Шесть! — орал телефон. — Шесть, это шесть, это гребаные ШЕСТЬ!"

Он посмотрел на книжицу спичек в руках, ту самую, что взял с пепельницы в на письменном столе. Забавный старый швейцар, забавные старые автомобили с хромированными радиаторными решетками... и слова, бегущие под картинкой, которых он давно уже не видел, потому что теперь абразивная полоска размещалась на оборотной стороне.

"ЗАКРОЙТЕ КНИЖИЦУ ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЧИРКАТЬ СПИЧКОЙ".

не думая, думать он уже не мог, Майк Энслин оторвал спичку, одновременно разлепив губы, отчего сигарета упала на пол. Чиркнул спичкой по абразивной полоске и тут же поднес ее к серным головкам остальных. «Ф-ф-ф-р-р» — вспыхнули спички, в голову ударили запахи горячей серы и нюхательной соли, яркий огонь заставил прищуриться. И вновь, не думая, Майк поднял пытающую книжицу к своей рубашке. Дешевая, сшитая в Корее, Камбодже или на Борнео, прослужившая ему не один год, рубашка мгновенно вспыхнула. Но прежде чем пламя достигло глаз, отсекло от него комнату, Майк увидел ее ясно и отчетливо, как человек, пробудившийся от кошмара, чтобы обнаружить, что кошмар окружает его со всех сторон.

Голова прочистилась, сильный запах серы и поднимающийся от горячей рубашки жар тому поспособствовали, но в гостинной

по-прежнему присутствовали безумные мавританские мотивы. Конечно, не мавританские, это определение и близко не подходило, но не было другого слова, которое хоть в малой степени описывало происшедшее здесь... по-прежнему происходящее. Он находился в меняющейся на глазах, гниющей пещере, пол, стены и потолок которой находились в непрерывном движении, изгибались под немыслимыми углами. Дверь в спальню теперь вела в во внутреннюю камеру саркофага. По его левую руку, стена, на которой висел натюрморт, наклонялась к нему, шла трещинами, напоминающими большие рты, открывающиеся в мир, из которого приближалось нечто. Майк Энслин слышал его слюнявое, алчное дыхание, в нос бил запах чего-то живого и опасного. Почти такой же запах шел из львиной клетки в...

Языки пламени, начавшие лизать подбородок, оборвали мысль. Жар горячей рубашки вернул его в реальный мир, и, учуяв запах загоревшихся на груди волос, Майк вновь рванулся по ковру к двери в коридор. Стены с жужжанием завибрировали. Желто-оранжевый свет достиг пика яркости, словно чья-то рука до предела повернула невидимый реостат. На этот раз, когда он добрался до цели и повернул ручку, дверь открылась. Словно нечто потеряло всяческий интерес к горящему человеку, возможно, не любило жареного мяса.

Популярная песня пятидесятых утверждала, что любовь заставляет мир вращаться, но на роль движителя куда больше подходит совпадение. Руфус Диаборн, который занимал номер 1414, работал коммивояжером в компании "Швейные машинки Зингера". В Нью-Йорк приехал из Техаса, чтобы переговорить с руководством компании, о переходе на управляющую должность. Так вот и вышло, что спустя девяносто лет после того, как первый жилец номера 1408 выпрыгнул в окно, другой продавец швейных машинок спас жить человеку, собиравшемуся написать главу книги о гостиничном номере, в котором обитали призраки. Возможно, это преувеличение. Майк Энслин мог выжить, даже если бы в коридоре никого не оказалось, в частности, коммивояжера, который возвращался в свой номер с ведерком, полным кубиков льда, которые выдал ему морозильный автомат. Однако, горящая на теле рубашка — не шутка, и Майк наверняка получил бы более серьезные и глубокие ожоги, если бы не Диаборн, который думал быстро, а действовал еще быстрее.

Надо отметить, Диаборн и сам в точности не помнил, как все произошло. Он придумал достаточно связную историю для газет и телевидения (роль героя ему очень даже приглянулась, опять же, она улучшала его шансы на высокую должность), и он отчетливо помнил, как в коридор выбежал объятый огнем человек, но после этого все ушло в туман. Он пытался восстановить цепочку событий, но получалось плохо. Так бывает, когда утром, с сильного похмелья, стараешься вспомнить, чтобы же ты учудил прошлым вечером.

В одном он, правда, был уверен, но репортерам об этом ничего не сказал, потому что не мог найти логического объяснения. Крик горящего мужчины с каждым мгновением прибавлял в громкости, словно он видел перед собой не человека, а стереопроектор и кто-то поворачивал и поворачивал верньер звука. Выскочивший в коридор мужчина орал на одной ноте, но все громче и громче. Как такое могло быть, Диаборн понять не мог.

Но в тот момент он об этом и не думал. Бросился к горящему человеку с ведерком, полным кубиков льда. Этот мужчина ("У него горела только рубашка, я это сразу понял", — рассказывал Диаборн репортерам) ударился в дверь напротив той, из которой выбежал, его отбросило назад, он покачнулся, упал на колени. В этот самый момент к нему подскочил Диаборн. Уперся ногой в плечо, толчком уложил на ковер. А потом вывалил на него

содержимое ведерка.

Все это он уже помнил достаточно смутно. Правда, в памяти отложилось, что горящая рубашка излучала слишком уж много света, желто-оранжевого, напомнившего ему о путешествии в Австралию, куда он с братом ездили два года тому назад. Они взяли напрокат внедорожник и пересекли Великую австралийскую пустыню (некоторые туземцы, как выяснили братья Диаборны, называли ее Великим австралийским гнездом содомитов). Поездка удалась, впечатлений осталась масса, но иной раз было страшно. Особенно у большой горы в центре пустыни, Айерс-Рок.^[5] Они подъехали к ней на закате солнца, и свет на высеченных на ее отвесных склонах мужских лицах... горячий и странный... заставлял подумать о том, что он вовсе и не земной...

Он опустился на колени рядом с уже не горящим, а дымящимся, засыпанным кубиками льда мужчиной, перевернул на живот, чтобы погасить несколько язычков огня, добравшихся до спины. При этом заметил, что левая сторона шеи сильно обгорела, так же, как и мочка уха, но в остальном, остальном...

Диаборн поднял голову, и ему показалось... безумие, конечно, но показалось, что комната, из которой выбежал мужчина, заполнена светом австралийского заката, горящим светом пустыни, где могли жить существа, никогда не попадавшие на глаза человеку. Он был ужасен, этот свет (как и низкое гудение, похожее на то, что слышится около линии электропередачи), но зачаровывал. Ему захотелось войти в распахнутую дверь. Посмотреть, что за ней.

Возможно, Майк тоже спас жизнь, Диаборну. Заметил, как Диаборн поднимается, словно потерял к нему, Майку, всякий интерес, а на его лице отражается полыхающий, пульсирующий свет, идущий из номера 1408. Он запомнил это даже лучше самого Диаборна, но, разумеется, Руфусу Диаборну не пришлось поджигать себя для того, чтобы выжить.

Майк схватил Диаборна за штанину.

— Не ходите туда, — просипел он. — Вы оттуда не выйдите.

Диаборн остановился, посмотрел на красное, в волдырях лицо лежащего на ковре мужчины.

— Там призраки, — добавил Майк и, словно эти слова были заклинанием, дверь в 1408-ой захлопнулась, отсекая свет, отсекая гудение.

Руфус Диаборн, один из лучших коммивояжеров компании "Швейные машинки Зингера", побежал к лифтам и нажал кнопку пожарной тревоги.

В шестнадцатом номере журнала "Лечение ожоговых больных: диагностический подход" есть любопытная фотография Майка Энслина. Эта публикация появилась через шестнадцать месяцев после короткого пребывания Майка в номере 1408 отеля «Дельфин». На фотографии показан только торс, но это Майк, можно не сомневаться. Доказательство тому — белый квадрат на левой груди. Кожа вокруг ярко-красная, в некоторых местах волдыри. Белый квадрат аккурат под нагрудным карманом счастливой рубашки, которая была на Майке в тот вечер. В этом самом кармане и лежал минидиктофон.

Сам он оплавился по углам, но по-прежнему работает, и пленка осталась в прекрасном состоянии. Чего нельзя сказать о том, что на ней записано. Агент Майка, Сэм Фаррелл, засунул кассету с записью в стенной сейф, отказываясь признавать, что от услышанного у него по коже побежали мурашки. В том сейфе она и лежит. У Фаррелла нет ни малейшего желания доставать ее и прослушивать самому или в компании друзей. Некоторые из них сильно донимают его такими просьбами. Нью-Йорк — город маленький. Слухи разносятся быстро.

Ему не нравится голос Майка на пленке, ему не нравятся фразы и слова, которые произносит этот голос ("Моего брата как-то зимой съели волки на Коннектикутской платной автостраде..." и что, скажите на милость, сие должно означать?), а больше всего ему не нравится шумовой фон... какое-то чавканье, бульканье, электрическое гудение... иногда что-то похожее на голос.

Майк еще находился в больнице, когда некий мужчина, Олин, подумать только, менеджер этого чертова отеля, пришел к Сэму Фарреллу и попросил разрешения прослушать запись. Фаррелл ответил отказом и посоветовал Олину как можно скорее выметаться из его кабинета и всю дорогу до своего клоповника благодарить Бога, что Майк Энслин решил не подавать в суд ни на Олина, ни на отель за преступную халатность.

— Я пытался убедить его не заходить в этот номер, — спокойно ответил Олин. Он привык выслушивать жалобы постояльцев на что угодно, начиная от вида из окон и заканчивая подбором журналов в газетном киоске, поэтому отповедь Фаррелла не произвела на него впечатления. — Я сделал все, что мог. Если кого и можно обвинять в преступной халатности, так это вашего клиента, мистер Фаррелл. Он слишком уж верил, что там ничего нет. Очень неблагоразумное поведение. Очень небезопасное поведение. Я полагаю, теперь он получил хороший

урок.

Несмотря на отвращение к записи, Фарреллу хотелось, чтобы Майк прослушал ее, обдумал, возможно, использовал как трамплин для написания новой книги. Книги о том, что случилось с Майком, не просто сорокастраничная глава, одна их десяти, а целая книга. Тираж которой, по мнению Фаррелла, оставит далеко позади тиражи всех трех уже опубликованных книг вместе взятых. Разумеется, он не верит заявлению Майка, что писать тот больше не будет, не только книги о призраках, но и вообще. Такое время от времени говорят все писатели. Подобные выходки в духе примадонны и указывают на то, что имеешь дело с настоящим писателем.

Что же касается Майка Энслина, то ему, можно сказать, еще повезло. И он это знает. Он мог бы обгореть куда сильнее. Если бы не мистер Диаборн и его ведро со льдом, ему пришлось бы пройти через двадцать, а то и тридцать операций по пересадке кожи, вместо четырех. На левой стороне шеи пока остались рубцы, но доктора из Бостонского ожогового института заверили Майка, что со временем они сами по себе побелеют. Он также знает, что ожоги, при всей их болезненности, при том, что заживали они многие недели и месяцы, спасли ему жизнь. Если бы не спички, с надписью "ЗАКРОЙТЕ КНИЖИЦУ ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЧИРКАТЬ СПИЧКОЙ" на этикетке под изображением отеля «Дельфин», он был умер в номере 1408, и конец бы его ждал жуткий. Нет, коронер зафиксировал бы инсульт или инфаркт, но в действительности смерть ему выпала бы более страшная.

Куда как более страшная.

Ему также повезло и в том, что он опубликовал три книги о призраках до того, как сдуру вломился туда, где действительно обитало что-то непознанное... он знает и об этом. Сэм Фаррелл, возможно, не верит, что Майк как писатель кончился, но это и так и важно. Майк знает, а этого достаточно. Он не может написать почтовую открытку, не почувствовав, как его прошибает холодный пот, а желудок болезненно сжимается. Иногда одного взгляда на ручку (или на магнитофон) хватает, чтобы в голове мелькнула мысль: "Картины скособоились. Я пытался их выровнять". Он не знает, что это означает. Он не может вспомнить картины или что-то еще из интерьера номера 1408, и рад. Это счастье. С давлением в эти дни у него не очень (врач сказал ему, что у после заживления ожогов у пациентов часто повышается давление, и назначил медикаментозное лечение), зрение тоже подводит (офтальмолог прописал капли), побаливает спина, увеличилась простата... но с этим можно жить. Майк знает, что он — не первый, который вышел из номера 1408, в

действительности не покинув его, Олин пытался ему это сказать, но все не так уж и плохо. По крайней мере, он не помнит. Иногда ему снятся кошмары, довольно часто (фактически, каждую ночь, каждую гребаную ночь), но он редко помнит их, когда просыпается. Остается лишь ощущение, что все углы закруглялись, оплывали, как закруглились, оплыли от жара углы минидиктофона. Сейчас он живет на Лонг-Айленде и, если погода хорошая, подолгу гуляет вдоль берега. На одной из таких прогулок ему удалось внятно сформулировать впечатления, оставшиеся от короткого (в семьдесят минут) пребывания в номере 1408. "В ней не было ничего человеческого, — срывающимся голосом поведал он набегавшим волнам. — Призраки... они хоть когда-то были людьми. А эта тварь в стене... эта тварь..."

Со временем его состояние улучшится, он, во всяком случае, на это надеется. Время затянет туманом случившееся с ним, как уберет красноту со шрамов на его шее. А пока он спит, не выключая свет в спальне, чтобы сразу понять, где находится, когда проснется от кошмара. Он убрал из дома все телефоны, потому что где-то в подсознании засел страх, боязнь, сняв трубку, услышать гудящий, хриплый, нечеловеческий голос: "Это девять! Девять! Мы убили всех твоих друзей! Все твои друзья уже мертвы!"

А когда ясным вечером солнце скатывается к горизонту, он закрывает все жалюзи и шторы. Сидит в темноте, пока часы не подсказывают ему, что день полностью сдал вахту ночи, светлой полоски не осталось даже там, где земля встречается с небом.

Его глаза не выносят закатного света.

Желтого, переходящего в оранжевый, как свет в австралийской пустыне.

Айовский университет основан в 1847 г. Славится литературными традициями.

Смайли, Джейн (р. 1950) — современная популярная американская писательница

Элкин, Стэнли (р. 1930) — известный американский писатель, профессор литературы, лауреат многих литературных премий.

Merci bien — премного благодарен (фр.)

Айерс-Рок — самый большой в мире монолит из песчаника, высотой до 348 м: длиной 3,6 км, шириной 2,9 км, общей площадью 486 га. Известная туристическая достопримечательность, меняет цвет в зависимости от освещения в течение суток

Примечания

Айовский университет основан в 1847 г. Славится литературными традициями.

Смайли, Джейн (р. 1950) — современная популярная американская писательница

Элкин, Стэнли (р. 1930) — известный американский писатель, профессор литературы, лауреат многих литературных премий.

Merci bien — премного благодарен (фр.)

Айерс-Рок — самый большой в мире монолит из песчаника, высотой до 348 м: длиной 3,6 км, шириной 2, 9 км, общей площадью 486 га. Известная туристическая достопримечательность, меняет цвет в зависимости от освещения в течение суток